

Вера СОТНИКОВА: «ХОЧУ АПЛОДИСМЕНТОВ...»

Считается, что в нашем кинематографе «звезд» сегодня нет и быть не может. Ерунда! «Звезды» есть. Их надо только уметь видеть. Надо пытаться разгадывать их тайны, следить за их полетом. А мы и в обычное-то ночное небо перестали смотреть.

Вера Сотникова — «звезда». Ездит на «мерседесе», летит на премьеру своей ленты в Испанию, размышляет над предложенными ей аргументами в Лос-Анджелесе и Австралии. Любит сына, чистую квартиру, взять сковородку семечек — и читать, любит оставаться одна, а еще — Ренессанс, «золотой» XIX век России, Набокова, небо Австралии, свой театр и режиссера Анатолия Васильева, которого считает настоящим учителем. Подучить английский — и можно выходить на мировой уровень.

Мне в редакционной почте попало несколько писем от молодых людей, считающих эту молодую актрису секс-символом нашего перестроечного кино. Одних прояла она до глубины души в военной ленте «Гу-га!» о штрафниках, где играла библиотечницу, в которую влюбился юный курсант-авиатор Боря Тираспольский. Не роковую соблазнительницу играла здесь Сотникова — а истомившуюся, полную неразреченных чувств женщину, солдатку, может, уже и вдову. Ей и любовь-то дарить хочется тому, кто не педал еще этого счастья (знает, как короток век «летунов» на фронте), и самой сил от жара мальчишеского сердца набраться — чтобы вытерпеть навалившиеся невзгоды, чтобы не разувериться, не озлобиться. Искренний, целомудренный образ создала здесь актриса. И даже любовная сцена в саду, на которую (скорее по инерции) попорчало старшее поколение, вряд ли кого-нибудь оскорбила, ведь сыграна она поэтично, нежно, тактично — и при этом чувственно.

Для других зрителей Вера Сотникова весьма соблазнительной и эротичной показалась в фильме «Десять лет без права переписки» по

ироничной прозе Александра Кабакова. В картине, построенной на анекдотах, байках, небылках, ходивших в послевоенной Москве, у актрисы — колоритный образ Файки, подружки дворника Коли из печально знаменитого «Дома на набережной». Эта веселая, заводная девушка приглянулась однажды сластолюбивому Лаврентию Берия. И вот уже его подручные приволокли, забрав ее прямо с катка, Фанну в резиденцию «человека в пенсне». Девушка понимала, что ничего хорошего здесь ждать не придется, и — видя шикарно накрытый стол — начинает принимать рюмку за рюмкой. Исключительно для самозащиты. А потому, осмелев и несколько потеряв контроль над собой, выпаливает в лицо тому, чьи портреты она носила на демонстрации, кто он есть... Отчаянная в интимных делах Колыкой, она умела себя блюсти и не собиралась становиться любовницей похотливого убийцы.

Сотникова очень гордится сценой опьянения, считает, что редко какой эпизод дает так стремительно актеру переходить из одного состояния в другое. Роль сыграна, как говорится, на грани фола. Однако поклонников героини моего очерка она прибавила множество. Что ни говори, действительно соблазнительна ее Фанна.

Наверное, это обстоятельство и было решающим в выборе ее на роль героини в экранизации повести Валерия Брюсова «Последние страницы из дневника женщины». Фильм называется «Захочу — полюблю», он с успехом сейчас идет по стране: убежден, что красота Сотниковой, любовные страсти, обуревающие ее

Фото
Галины КОРЕВЫХ

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

**Вера
СОТНИКОВА**

Наталью Глебовну, амурные приключения этой томной дамы начала века заставляют многих мужчин в кинозале учащенно дышать. Очарование актрисы будит фантазию (в том числе и эротическую — чего уж скрывать), так что вот-вот начнется новый поток писем с просьбами напечатать фото пленительной артистки, написать о ней, плюс неизменные пылкие признания, требования дать ее адрес, телефон.

Я считаю — нормальная «звездная» лихорадка. Потому актеры и становятся кумирами публики, что олицетворяют лучшие качества, воплощают представление об идеале. Существует легенда, что в Америке поклонники знаменитой актрисы Греты Гарбо бросались во время сеанса к экрану и... целовали изображение своей любимицы. Не исключая, что у кого-то подобные желания вызывают настенные и карманные календари с изображением Сотниковой! Всем постам...», «Курьер», «Конец вечности» и телесериала «Государственная граница» пресса писала, что в этой начинающей актрисе кроются какая-то тайна, внутренняя гармония, не столь часто встречающиеся в нашей суетной жизни. Мол, именно эта тайна и подкрепляет атмосферу «фантастического реализма» в космическом детективе «Конец вечности» по Айзеку Азимову. Чистый притягательный женский облик на экране становится чуть ли не символом земной красоты.

Нет, в реальной жизни Вера Сотникова отнюдь не героиня жестокой мелодрамы. Хотя приходилось ей испытывать на себе и приступы ревности, и терпеть назойливые ухаживания — это не из самых приятных опытов. Но знает, что бывает хуже: вот героиню криминально-

Я видел через большое стекло, как в темноте павильона, плавно по-

качиваясь, будто плывя в вальсе, стоит у пульта с микрофонами и светящимися лампочками актриса. Режиссер не очень ровно смотрит в этот эпизод, и исполнительница никак не могла попасть в артикуляцию своей героини: не хватало момента, чтобы набрать дыхание. Звукооператор злился: «Переозвучивать ее надо, опять не уложила текст». «Да нет, Вера справится, — убеждала его ассистентка. — Просто она нервничает, ей ведь вечером уже на другие съемки лететь».

В перерыве из павильона ко мне вышла девушка, разительно непохожая на ту романтическую пышноволосяную даму на экране. Коротко стриженная, в коротких брючках, цветной майке, с темными очками, зацепленными за вырез на груди. Улыбка на усталом лице. И неуловимый шарм даже «в рабочее время». Уже после первых ее фильмов — «Признать виновным», «Внимание! Всем постам...», «Курьер», «Конец вечности» и телесериала «Государственная граница» пресса писала, что в этой начинающей актрисе кроются какая-то тайна, внутренняя гармония, не столь часто встречающиеся в нашей суетной жизни.

Мол, именно эта тайна и подкрепляет атмосферу «фантастического реализма» в космическом детективе «Конец вечности» по Айзеку Азимову. Чистый притягательный женский облик на экране становится чуть ли не символом земной красоты.

Нет, в реальной жизни Вера Сотникова отнюдь не героиня жестокой мелодрамы. Хотя приходилось ей испытывать на себе и приступы ревности, и терпеть назойливые ухаживания — это не из самых приятных опытов. Но знает, что бывает хуже: вот героиню криминально-

качиваясь, будто плывя в вальсе, стоит у пульта с микрофонами и светящимися лампочками актриса. Режиссер не очень ровно смотрит в этот эпизод, и исполнительница никак не могла попасть в артикуляцию своей героини: не хватало момента, чтобы набрать дыхание. Звукооператор злился: «Переозвучивать ее надо, опять не уложила текст». «Да нет, Вера справится, — убеждала его ассистентка. — Просто она нервничает, ей ведь вечером уже на другие съемки лететь».

правдоучительной драмы «Признать виновным» ее кавалер от злости, что она охладела к нему, даже пырнул ножом.

...Мы присели в коридоре киностудии. Вера выглядела расстроенной и сквозь зубы досадовала на режиссера:

— Такие возможности упущены! Ведь это Брюсов! Модерн, символика, поток сознания! А снимали второй эпизод, и исполнительница никак не могла попасть в артикуляцию своей героини: не хватало момента, чтобы набрать дыхание. Звукооператор злился: «Переозвучивать ее надо, опять не уложила текст». «Да нет, Вера справится, — убеждала его ассистентка. — Просто она нервничает, ей ведь вечером уже на другие съемки лететь».

Пожалуй, пережимать здесь действительно нельзя. Момент интимности в искусстве ведь волнует по-настоящему тогда, когда не все показано и разжевано, когда не все подано «грубо и зримо», а что-то лишь угадывается, обозначается намеком, штрихом, давая простор зрителям мысленно «доиграть» ситуацию. В противном случае получится так грубо и плоско, что и близких так пригласить на премьеру постесняешься.

Если честно, все эти «экрани-эротические этюды» для Сотниковой — лишь эксперимент в новом, запретном некогда жанре. Ей они

интересны как момент обогащения своей исполнительской палитры. Ведь, по сути, она серьезная драматическая актриса, закончила школу-студию Московского Художественного театра, училась у такого известного мастера, как Олег Ефремов, в театре работала с настоящими «звездами» режиссуры — Анатолием Эфросом и Анатолием Васильевым, чьи спектакли имеют колоссальный успех за рубежом. Некоторое неудобство лишь в том, что «Школа драматического искусства», возглавляемая Васильевым, спектакли для публики почти не играет, режиссеру интереснее искать новые формы, кропотливо работать лабораторно...

— А я актриса, — вздыхает Вера. — Я хочу выходить на сцену. Может, это очень по-женски, но хочу цветов, аплодисментов, поклонников! «Вот ты вся в этом, Сотникова», — говорит мне Васильев, стараясь пристыдить. А я отвечаю: «Да». И не поехала с театром недавно в Югославию, где в спектакле для меня была заготовлена главная роль. Выбрала съемки в фильме по Брюсову, но вот на то ли я сделала ставку — покажет время и мнение зрителей.

...Актёрское дело влекло эту красивую девушку давно. Еще девятиклассницей пошла на прослушивание, когда московские педагоги из театрального училища приехали к ним в Волгоград искать талантливых молодых. Вера им понравилась. Но в институт принимают лишь после десятого класса, пришлось год ждать. А планы на жизнь за этот год изменились. В столицу Вера Сотникова приехала — но с твердым намерением поступать... в университет на факультет преподавания русского языка для ино-

странцев. Впрочем, для сдачи документов у нее не оказалось какой-то справки, и поги сами привели абитуристку в просэд Художественного театра. Заглянув под старинные своды школы-студии МХАТ, вдруг поняла: хочу учиться здесь.

Сплав внутренней хрупкости и духовной твердости — характерная черта многих сценических и экранных героинь Сотниковой. А число их растет. Скоро на экраны выйдет советско-марокканская историческая лента «Огненные барабаны» и боевик «Охота на сутенера». На телеэкране прошла с ее участием советско-чехословацкая лента «Право на прошлое». Снимается в советско-американском сериале «История Аляски» по Джеку Лондону, ждет ее съемочная площадка и Одесской студии... Но какие-то роли, которые хотелось бы сделать «своими», проходят мимо. Так, Вера очень жалеет о роли медсестры в советско-английской драме «Затерянный в Сибири», для которой, по словам постановщика, она оказалась слишком красива. Всего лишь раз сыграла в инсценировке «Доктора Живаго» Бориса Пастернака и страдает, что подобная роль, богатая чувствами и мыслями, может больше не встретиться, но...

— По гороскопу я Крыса, и в этом году мне предначертано добиться удачи в делах, — улыбается Вера. — Правда, хотелось бы и в любви. По натуре я человек мечтательный. О чем мечтаю? Чтобы все было нормально, чтобы мой семилетний Ян был здоров, чтобы воду горячую не отключили, когда хочется принять душ, чтобы лев не съел, на спине которого мне предстоит прокатиться скоро на съемках... Но вот читаю сейчас сценарий — и в ужасе! Опять чернуха,

широпотреб, дешевка. Сколько можно! Даже невероятно, что из такого количества предложений, какое сейчас идет, ничего выбрать. На ее счету сегодня почти двадцать фильмов. Но упорно продолжает считать себя театральной актрисой. Ведь играла и Елену Андреевну в «Дяде Ване» Чехова, и Полину в «Игроке» Достоевского, и Маргариту в «Нельской башне» Дюма. В кино же то и дело разные подружки при главном герое да любовницы влиятельных богачей. После презентации Ассоциации независимого кино СССР (есть такая организация, включающая в себя восемьдесят киностудий, вышедших из-под опеки Госкино), которую Вера изыщи и остроумно вела, я поинтересовался, как она сама относится к «независимым» (ведь их продукция составляет чуть ли не половину того, что выходит у нас).

— Мне все это не очень нравится, — не стала кривить душой актриса. — Большинство «независимых» фильмов считаю просто посредственными. Обидно то, что в руках кинооператоров большие деньги, а обернувшись они могут глыбой пошлости, потоком безвкусицы.

И вдруг Вера чисто по-женски переключилась и вспомнила о чем-то забавном:

— Знаете, а меня недавно обезьяна поцеловала! Правда. Это должна была быть моя партнерша на съемках в Коста-Рике. Когда дрессировщица вела за лапку эту смешную застенчивую шимпанзе, я так растрогалась, сразу протянула к ней руки — «Девочка моя!» — и она бросилась ко мне, впрыгнула на колени, обняла. И прямо в губы чмокнула, как человек!

Петр ЧЕРНЯЕВ